

Вернувшись домой, Шэнь Цзя в изнеможении опустился на диван. Кончики пальцев все ещё нервно дрожали.

Он никогда не умел разбираться в собственных чувствах, но самодовольная, равнодушная физиономия Чэнь Лэкана вывела его из себя, отозвавшись в душе глухим раздражением.

Для Шэнь Цзя это было в новинку — обычно он привык смиренно принимать чужой негатив и чужую черствость.

Но, видно, слова Чжоу Цзыфэя, сказанные перед этой встречей, пробили брешь в его монолитной броне. Копившаяся годами тяжесть вырвалась наружу, заставив выплеснуть несколько неожиданно колких фраз.

И лишь выйдя из кофейни, Шэнь Цзя осознал, насколько всё оказалось просто.

Вычеркнуть, проигнорировать всё, что связывало его с Юй Сянханом, было проще простого.

Телефон зажужжал. Снова сообщения от Шэнь Цяньлуна.

Покорившись неизбежному, Шэнь Цзя принялся перечитывать накопившуюся переписку.

Чем дальше он листал, тем сильнее темнел его взгляд, а брови сдвигались к переносице.

Шэнь Цяньлун опять сорвался в казино. На этот раз кредиторы обставили всё жестко: заключили договор, и если тот не вернет долг, его отдадут под суд по статье о мошенничестве в особо крупном размере.

В чате отец сыпал проклятиями в адрес займодавцев, твердил, что для них эта сумма — сущие копейки, но они намеренно загоняют его в угол, будто только и ждут, когда его упекут за решетку.

Шэнь Цзя слишком хорошо знал натуру своего родителя.

Когда-то, в сытые времена, тот спускал деньги направо и налево. После развода с матерью, оставшись без гроша, он вроде бы умерил аппетиты и играл по-мелкому.

Шэнь Цзя ежемесячно переводил ему всего три тысячи юаней, да ещё недавно отдал пятьдесят тысяч. С такими деньгами на руках Шэнь Цяньлун не мог позволить себе крупную игру — он ведь прекрасно понимал, что отдать не с чего.

Сколько же он проиграл на этот раз, если ударился в такую дикую панику?

«Он требовал у меня пятьсот тысяч. Заявил, что я с тобой развлекся, а за удовольствие надо платить».

В памяти вновь всплыли слова Юй Сяньхана.

Словно молния полоснула по сознанию. Первой мыслью Шэнь Цзя было вовсе не «где достать деньги».

Сердце бешено заколотилось. Он вдруг с предельной, жуткой отчетливостью понял: перед ним шанс. Единственный шанс навсегда избавиться от Шэнь Цяньлуна.

Пятьсот тысяч.

Если речь идет о мошенничестве, и сумма составляет полмиллиона...

Шэнь Цзя дрожащими пальцами вбил запрос в поисковик. Строка о сроках наказания за мошенничество в особо крупном размере — «наказывается лишением свободы на срок от десяти лет до пожизненного» — заставила перехватить дыхание.

Он был уверен: Шэнь Цяньлун задолжал куда больше пятисот тысяч. Но даже этой суммы хватит, чтобы упечь его за решетку на долгие годы.

Шэнь Цзя не впервые выпадал подобный шанс.

В одиннадцать лет он, сидя в душном подвале, через крошечное окошко звал на помощь проходившего мимо хозяина дома, показывая побои на детском теле и надеясь, что отца заберет полиция. Кончилось это тем, что Шэнь Цяньлун разгромил квартиру лендлорда, и им пришлось бежать среди ночи.

В шестнадцать, когда отец заставил его бросить школу, Шэнь Цзя стянул немного денег, чтобы оплатить учебу. Вернувшийся из игорного дома отец застал его на месте. Кипящий чайник опрокинулся на бок подростка. Вспышка дикой, адской боли от обугливающейся кожи навсегда выжгла желание трогать отцовские деньги — пришлось самому искать заработок.

В девятнадцать отец велел ему найти в интернете работу с самым высоким доходом. Листая файлы на компьютере, Шэнь Цзя наткнулся на архивы с камер видеонаблюдения — родной отец втайне снимал его личную жизнь и продавал записи в сети. То был первый раз, когда юноша восстал в полный рост: он перебил все объективы и, сорвав голос, кричал, что заявит в полицию. В ответ получил два удара ножом в грудь.

Шэнь Цзя пролежал в больнице месяц. С тех пор он больше не смел идти на открытый конфликт. Ночевал на кухне ресторана, где подрабатывал, спал в переходах метро. Паспорт и хукоу оставались у отца, и не возвращаться домой на ночь было пределом его тогдашнего

бунта.

А потом Шэнь Цяньлун проведал про его связь с Юй Сянханом и стал шантажировать того. Закончилось всё тем, что Юй Сянхан принял удар ножа, предназначенный юноше.

Вот только Юй Сянхан решил, что отец просто действовал сгоряча. Не зная подоплеки и кошмара прошлых лет, он искренне пытался примирить их, заставить жить как нормальная семья.

Шэнь Цзя боялся, что если откроет правду, Юй Сянхан отвернется от него в отвращении. И его самый близкий шаг к свободе два месяца назад рухнул — Юй Сянхан собственными руками вынес ему приговор.

Все эти годы Шэнь Цзя думал, что ему просто не везет. Позже — что не хватает храбрости.

Раньше ему казалось, будто всю свою удачу он потратил на встречу с Юй Сянханом. Теперь он больше не ждал милостей от эфемерной судьбы. Ему нужна была лишь капля решимости.

Он сжал телефон так, что на бледных тыльных сторонах ладоней проступили синеватые венки. Глаза прилипли к экрану: Шэнь Цяньлун слал сообщение за сообщением, судорожный трезвон уведомлений выдавал крайнюю степень отчаяния на том конце провода.

«У меня сейчас есть только пятьдесят тысяч. Забирай пока их, остальные переведу на следующей неделе».

Пальцы дрожали. Шэнь Цзя до крови впился зубами в собственный большой палец, гася физической болью безумную, затаенную ненависть. В его опущенных глазах, обычно излучавших кротость, сузились зрачки; на самом дне черной бездны вспыхнул такой леденящий, яростный огонь, что становилось жутко.

Он заставит Шэнь Цяньлуна увязнуть ещё глубже.

Раз уж на этот раз тот перешел дорогу непростым людям, надо помочь ему опуститься на самое дно — без малейшего шанса на спасение.

Получив деньги, Шэнь Цяньлун замолк. Должно быть, тут же рванул в игорный зал, чтобы отыграться.

Шэнь Цзя будто наяву слышал сухой стук падающих фишек и хриплый, налитой кровью вопль отца: «Повышаю!». И увидел, как обступившие столы игроки глумливо ухмыляются, глядя на конченого лудомана.

Играй.

Спускай всё до последнего гроша.

Ставь на кон свою жизнь.

А потом сдохни — нищим и ободранным.

Шэнь Цзя добела вьелся ногтями в ладони. Сектор его воспаленных глаз неотрывно уставился в пустую стену. Бескровные губы чуть заметно шевелились — он истово, страстно молил небеса, чтобы Шэнь Цяньлун испустил дух прямо за игорным столом.

Взгляд затуманился. Диван под ним словно проваливался в бездну, но Шэнь Цзя с каким-то болезненным упоением смаковал позорную гибель своего мучителя, не замечая, как дыхание становится всё более рваным, а грудь вздымается в частых судорогах. Ненависть сжала конечности мелкой дрожью.

— Учитель Шэнь, это я звоню! Быстрее возьмите трубку, Учитель Шэнь! — внезапно раздался звонкий детский дискант, разрезав бредовый туман.

Шэнь Цзя судорожно изогнулся, лицо исказила гримаса муки.

Задыхаясь, он хватанул ртом воздух с диким, хриплым свистом и свалился набок. Уткнувшись лицом в подушку дивана, он бьющимся в гипервентиляции телом беспомощно ловил кислород, пока судорожный приступ не утих.

Телефон продолжал настойчиво звонить. После автоматического сброса вызов возобновился с той же детской записью. Заторможенный разум Шэнь Цзя начал медленно проясняться.

Это был голос Чжоу Цзяи. Такой рингтон попросил поставить сам мальчик, когда Чжоу Цзыфэй привозил его после занятий.

Тогда Чжоу Цзыфэй ещё шутливо выразил недовольство: мол, номер-то его, значит, и рингтон должен был записывать он.

Шэнь Цзя постепенно приходил в себя. Влажные ресницы дрогнули, туман в глазах рассеялся.

Черные волосы намокли от пота, влажная одежда липла к груди и спине — он выглядел как утопленник, которого только что вытащили из омута.

Вытянув руку, он лишь с нескольких попыток смог попасть пальцем по экрану и принять вызов.

— Учитель Шэнь! Это Чжоу Цзяи! Вы меня слышите?! — донесся из динамика радостный голос.

Шэнь Цзя с трудом сглотнул скопившуюся слюну. Из пересохшего горла вырвался лишь жалкий сип:

— Да...

— Учитель Шэнь, а почему вы так тихо говорите? Вам всё ещё плохо?

В голосе ребенка проскользнула тревога. Шэнь Цзя медленно повернул голову, прижавшись щекой к динамику и едва сдерживая частое дыхание:

— Нет... Всё хорошо.

— Ну и отлично! Учитель Шэнь, я звоню спросить: мы сможем поехать куда-нибудь на выходных?

Шэнь Цзя молчал, только нажав пальцем на динамик и заглушая сухой тихий кашель.

Ребенок на том конце провода увлеченно продолжал:

— Давайте поедem в парк развлечений! Дядя сказал, там есть океанариум, а ещё куча всяких аттракционов и вкусностей — намного больше, чем в обычном океанариуме!

— Дядя! Ну зачем ты отбираешь телефон?!

В динамике послышалась легкая возня, возмущенный крик мальчика отдалился, и тут же зазвучал бархатный, мягкий мужской голос:

— Учитель Шэнь, вы как? С вами точно всё в порядке?

Шэнь Цзя зажмурился. Нагретые слезы с запозданием скатились по щекам.

Как же ему хотелось признаться Чжоу Цзыфэю, как ему невыносимо, больно и паршиво... Но...

— Всё хорошо. Просто только пришел домой, немного устал.

Он до боли сжал пальцами собственное предплечье, выигрывая у органических судорог секунды четкой речи, чтобы в голосе не проскользнула и тень слабости.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина. Затем Чжоу Цзыфэй произнес:

— Ладно. Понял.

— Учитель Шэнь, я чуть позже привезу вам ужин. Если устали — прилягте и отдохните.

Сдержанный голос Чжоу Цзыфэя звучал ровно, как и всегда, но Шэнь Цзя чувствовал: тот всё понял. Понял, что ему плохо, раскусил фальшивое «всё хорошо».

Поэтому Шэнь Цзя больше ничего не говорил. Только слушал в трубке чужое дыхание.

Обхватив себя за талию, он поджал колени к самой груди, свернувшись калачиком на узком диванчике, где, несмотря на скромные размеры, оставалось еще полно места.

На том конце линии тоже затихли. Две жизни на краткий миг соединились ровным тихим дыханием сквозь тонкий корпус смартфона.

Слушая этот едва слышный звук, Шэнь Цзя чувствовал, как мысли путаются и угасают. И сам не заметил, как провалился в сон.

<http://bllate.org/book/19971/1985830>